

о его постройке и открытии мощей епископа Леонтия сообщает его „Житие“, полное весьма реалистических деталей.¹ Поздние источники дополняют, что это была „первая каменная церковь в Ростове“.²

Наши раскопки, проведенные в 1954 году с целью поисков остатков первоначального здания в составе стен существующего собора XVI—XVII веков, показали,³ что сведения летописи оправдываются, версия же епископа Симона не подтверждается. Никаких следов кирпичного строительства времени Мономаха не было обнаружено. В основании стен существующего собора лежит белокаменная кладка собора 1161—1162 годов, типичная для памятников строительства 60-х годов XII века во Владимире и Боголюбове. Можно, следовательно, утверждать, что по крайней мере на данном месте никакого храма, построенного на рубеже XI—XII веков, не было. Мы не сомневаемся, однако, что его не было и вообще в Ростове: епископ Леонтий был погребен в деревянном соборном храме, что едва ли произошло бы, если бы в городе был каменный собор.⁴

Таким образом, рассказ епископа Симона о постройке в Ростове каменного собора Мономахом является целиком вымышленным. Однако этот вымысел разделяется и другим автором Патерика — Поликарпом, который сообщает, что был в Ростове, когда в 1204 году Ростовский собор рухнул, и что это, по его словам, была церковь, построенная Мономахом („юже сам созда, иже и доньше стоять, ей же аз самовидець бых“).⁵ Следовательно, перед нами определенная концепция, разделяемая обоими писателями — Симоном и Поликарпом.

Существенно также, что в летописной записи 1222 года рядом с именем Мономаха, строителя первого Суздальского собора, назван епископ Ефрем. Его имя всплывает ранее и в рассказе о сожжении Суздаля князем Олегом во время усобицы 1096 года: там упомянуто, что при пожаре уцелел лишь „двор монастырьский Печерьскаго монастыря и церкви яже тамо есть святаго Дмитрия, юже бе дал Ефрем и с селы“.⁶ Подразумевается, что церковь Дмитрия, построенная, вероятно, печерским выходцем и игуменом Димитриевского монастыря в Киеве, а затем преемником Леонтия на ростовской кафедре Исаией, после смерти последнего была передана епископом Ефремом вместе с его селами Печерскому подворью в Суздале. Очевидно, что к устройству церковных дел на северо-востоке имел отношение не только Печерский монастырь, давший сюда первых епископов — Леонтия и Исаию, но и епископ Ефрем. Кто был этот Ефрем? Епископ Симон в своем списке епископов — выходцев из Печерского монастыря — называет Ефрема переславского, известного по летописи, и Ефрема суздальского, летописью не отмеченного.⁷ В этом указании епископ Си-

¹ Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1893, стр. 7 и сл.

² Летопись о ростовских архиепях. СПб., 1890, стр. 1—2.

³ См. отчет о раскопках в Архиве ИИМК.

⁴ Любопытно, однако, что план Ростовского собора 1161—1162 годов, повторенный с некоторыми отступлениями планом существующего храма, близок по размерам собору Печерского монастыря и превосходил по величине Успенский собор во Владимире 1158—1161 годов. По словам жития Леонтия, заложенный над его гробом храм 1161 года был „мал“ и лишь по просьбе „людия“ Андрей распорядился увеличить его (Житие, стр. 7). Весьма вероятно, что стремление повторить в Ростове величие Печерского храма было связано с печерским происхождением „первого мученика“ Ростова и с задачей его церковного прославления.

⁵ Патерик, стр. 124.

⁶ Лаврентьевская летопись, под 1096 г.

⁷ Патерик, стр. 76.